

А.А. Зализняк

О языке древней Индии

(Лекция, прочитанная 11 февраля 2011 г. в школе «Муми-тролль»)

Когда возник вопрос, что бы такое еще вам рассказать, я должен был выбирать среди разного, и мне пришло в голову рассказать нечто в духе не очень принятом. Не знаю, есть ли по этому поводу какая-нибудь традиция. А именно, немножко познакомить вас с одним конкретным, но очень интересным языком. Это, мне кажется, должно быть что-то похожее на то, что вы иногда можете видеть по телевидению в какой-нибудь географической передаче, где вас за короткое время знакомят с интересными сторонами дальней страны – скажем, Индонезии, Марокко или еще какой-нибудь. Конечно, за время передачи вы в действительности очень немного узнаете про эту страну, чрезвычайно маленькую часть того, что там есть интересного, но, тем не менее, вы составляете себе некоторое представление о том, о чем до этого почти не задумывались или знали очень мало. И вот мне показалось, что языки мира, вообще говоря, представляют собой такого же рода интересные объекты – во всяком случае, самые знаменитые языки, – и имеет смысл коротко рассказать об одном из них людям, которые с этим раньше не соприкасались.

Я выбрал для такого рассказа один из самых интересных языков, а именно язык древней Индии. Нечего и думать, конечно, что после этого вы будете в какой-то степени знать этот язык. Смешно говорить «знать» – в точном смысле слова я тоже его не знаю. Речь идет о некотором поверхностном знакомстве, но, тем не менее, как я думаю, оно может пробудить кое-какие мысли и принести некоторое полезное представление.

Итак, о языке или языках древней Индии. Индия – это такая часть мира, где существует немыслимое количество языков. Сейчас на Индостане

существует не меньше чем 200 языков, уже вполне описанных и имеющих собственные традиции, нормы и прочее, но на самом деле их даже больше. Это зона мира, где языковая традиция – одна из самых древних: письменные тексты существуют на протяжении примерно двух с половиной тысячелетий. Очень мало есть мест на Земле с такой длинной письменной традицией.

Индийские языки разделяются на языки древнего, среднего и нового периода. Древний период – это примерно эпоха до начала нашей эры. Средний период – это примерно следующие десять, двенадцать, пятнадцать веков, а новый – ближе к нашему времени. В действительности, правда, то, что называют среднеиндийскими языками, возникает еще раньше – на самом деле, почти одновременно с самыми древними памятниками.

Для древнеиндийской эпохи главным является язык, имя которого большинство присутствующих или даже все присутствующие знают. Он называется *санскрит*. В широком смысле слова это то же самое, что древнеиндийский язык.

Но есть и более узкий смысл – это тот же язык, но уже в его обработанном литературно нормализованном виде, который формируется не сразу. Самые древние тексты на древнеиндийском языке относятся, как предполагают, примерно к XII в. до н. э., хотя есть гипотезы, что они несколько старше или, напротив, немного ближе к нашему времени.

То, что называется санскритом в узком смысле слова – это язык, который формируется несколько позже, примерно с середины первого тысячелетия до нашей эры, с V-IV вв. до н. э. и дальше существует уже на протяжении всех последующих веков вплоть до нашего времени.

Что это значит? Дело в том, что санскрит, первоначально бывший, как и все обычные языки, языком повседневного человеческого общения, постепенно приобретает другую функцию. Люди в обычной жизни начинают уже говорить на сильно измененных языках, поскольку на протяжении долгого времени, век за веком, окружающий язык улиц сильно меняется, а язык

литературных текстов, санскрит, остается. И он превращается примерно в то же самое, во что превратилась латынь в Европе. Латынь как живой язык римлян существовала, пока существовали римляне, которые на ней говорили в обычном быту. Но постепенно язык этих римлян в разных местах бывшей Римской империи превращается в новые языки, которые, как вы знаете, сейчас называются романскими. А латынь, однако же, остается – как язык культуры, язык науки, язык высокой литературы и так далее и в этом своем качестве продолжает существование на протяжении всех средних веков и значительной части нового времени. А есть и сейчас кое-где небольшие центры, где профессора гордятся тем, что они могут произнести речь по-латыни. Сейчас их уже мало осталось в мире; в России, по-моему, совсем не осталось.

Санскрит вполне аналогичен латыни в этом смысле. Для Индии это и есть такой литературный язык всех веков, по замыслу такой же, как две с половиной тысячи лет назад. На самом деле некоторые изменения там, может быть, и есть, но незначительные. И в качестве языка культуры и языка религии (индуистской) он остается до сих пор. Больше того, в современной Индии при опросах населения, отвечая на вопрос: «Ваш родной язык?», около пятисот человек сказало: «родной язык – санскрит». Разумеется, это главным образом люди из религиозной индуистской среды. Мне даже довелось с одним таким человеком общаться.

Такова история существования этого языка. Его значимость определяется прежде всего тем, что на нем существует огромный, гигантский корпус литературы. Она в какой-то степени знакома европейцам, но, конечно, в очень небольшой своей части.

Почему этот язык так важен для лингвистов? Думаю, что все вы знакомы с термином *индоевропейские языки*. Вдумайтесь в это название: индоевропейские языки – языки, включающие как бы две равные части: языки Европы и языки Индии. И это действительно оправданно. Потому что

нынешняя языковая Европа почти целиком состоит из языков, родственных между собой. Фактически, если исключить юго-восточную и северо-восточную периферию Европы – территорию Кавказа и север европейской части России, – то на всей остальной территории Европы неродственными остальным языкам Европы останутся только языки Финляндии, Эстонии, Венгрии и басков. Все остальные языки в большей или меньшей степени между собой родственны и составляют европейскую половину индоевропейских языков. А вторая половина – это языки Индии. Чтобы быть более точным, – не только Индии, но и Ирана. Итак, индоевропейские языки – это европейские языки, с одной стороны, и индоиранские, с другой. Но слово Индия, конечно, тут центральное. Это сразу показывает масштаб значимости языков Индии для языкознания.

На протяжении большей части истории Европы об Индии и об индийских языках никто почти ничего не знал. Правда, поход Александра Македонского позволил европейцам немного соприкоснуться с Индией, но значительных лингвистических следов это не принесло. Разве что в санскрите появились кое-какие слова, заимствованные из греческого – их немного, но они есть.

Другое дело, что в европейских языках есть довольно много заимствований из санскрита. В нашем русском языке их не так уж мало, но они пришли главным образом через промежуточные языки, а не прямо. Какое-нибудь слово *лимон* или слово *сахар* – это слова, идущие из санскрита, хотя в санскрите они выглядят существенно иначе. Например, слово *сахар* выглядит как *щаркара* – оно превратилось в *сахар* в промежуточных языках. Так или иначе, взаимное влияние все-таки было.

Но в течение всех веков до XVIII-го включительно сведения об Индии были довольно фантастического, часто баснословного характера. Лишь во второй половине XVIII в. происходит то, что в лингвистике иногда называют открытием Индии – лингвистическим открытием. А именно, появились

первые сведения о существовании древнего языка индийцев – санскрита. И было сделано величайшее открытие – что этот язык имеет много несомненных сходств с древними языками Европы – латынью и греческим. И это открытие положило начало тому, что называется ныне сравнительно-историческим языкознанием. Так что практически в основе исторической лингвистики лежит толчок, который произошел от того, что санскрит стал известен в Европе. Установление того факта, что этот язык в чем-то существенном так сильно похож по крайней мере на древнегреческий и латынь, что не может быть и речи о случайном совпадении, то есть что это древнее родство, – стало сенсацией. Изучение санскрита стало основой всего дальнейшего сравнительного языкознания.

Больше того, после того как представление о родстве древних языков Европы с санскритом стало уже всеобщим, появилась даже некоторая утрированная идеализация санскрита. Санскрит стали представлять как язык всех наших общих предков, а все остальные европейские языки – как разную степень его порчи. Потребовались немалые усилия лингвистов XIX в., чтобы прийти к выводу об ошибочности этой гипотезы, то есть понять, что все-таки в некоторых отношениях санскрит не равен праязыку всех индоевропейцев. Что в некоторых отношениях, скажем, древнегреческий язык сохраняет более древнее состояние, чем санскрит. Это было сенсацией середины XIX в., которая тоже постепенно была принята лингвистической наукой. И сейчас прекрасно известно, что все-таки санскрит – это просто одна из ветвей индоевропейских языков; он не более праязык, чем любой другой известный нам язык, а настоящий праязык индоевропейцев в подлинном своем виде ни в каких письменных документах не сохранился. И вообще этот праязык на несколько тысяч лет глубже во времени, чем любой самый древний письменный памятник, которым мы располагаем. А все индоевропейские языки к моменту, от которого до нас доходят какие бы то ни было памятники, уже

прошли даже не несколько веков, а несколько тысячелетий развития от общего праязыка.

Но разные языки действительно в разной степени удалились от общего индоевропейского. И что верно, то верно, – санскрит удалился от него меньше, чем большинство других языков, поэтому он и производит впечатление равенства праиндоевропейскому языку.

Сейчас ясно, что просто выводить из санскрита все остальные языки – неправильно; но верно и следующее: почти в любом пункте, где в нашем распоряжении есть санскритские данные, сравнение с ними дает нам хороший ориентир в вопросе о более древних состояниях языка.

Санскрит и сейчас продолжает играть роль некоторого эталона. Но часто используется, к сожалению, также и в рассуждениях вовсе непрофессиональных и лингвистически малограмотных. В частности, в нынешней квази-патриотической литературе вы найдете сколько угодно заявлений, иногда совсем грубых, типа того, что санскрит – это древнерусский язык. Или что древнерусский язык получился прямо из санскрита. Наконец, у некоторых из таких сочинителей уже санскрит получился из древнерусского. Чтобы картина была более полной, скажу, что держал в руках также книгу, где то же самое утверждалось про украинский: что санскрит – это древнеукраинский язык. Наверное, есть и какие-то другие претенденты, просто у меня большого ассортимента книг такого рода не было. К сожалению, ассортимент этот в действительности велик, и я очень хочу предупредить молодое поколение, чтобы вы на такие глупости слишком легко не поддавались. Это всё выдумки или мечты. Возможно, кто-то искренне заблуждается, а, может быть, есть и просто жулики, которые используют такие утверждения для своей сиюминутной выгоды. Так или иначе, это безусловная чепуха. При этом сам факт, что санскрит оказывается желательным использовать в пропаганде, показывает, что престиж этого слова весьма велик и кажется выгодным привлечь его

на свою сторону, эксплуатировать для каких-то своих сегодняшних политических целей.

Наверное, это еще один резон для того, чтобы все-таки более серьезно знать, что это такое.

Итак, среди индоевропейских языков санскрит занимает одно из важных мест. Самый древний памятник санскрита относится, как я уже сказал, примерно к XII в. до н. э. Заметьте, к этому времени относится не запись – записи начнутся гораздо позже: в течение многих веков язык существует в устной форме. Речь идет о так называемых *Ведах* – слово, которое вы, вероятно, знаете, – т. е. о древних религиозных текстах Индии. *Веда* – слово, не случайно совпадающее с русским, поскольку здесь тот же самый корень, что и в русском *ведать*, то есть буквально – «знание». Имеется в виду религиозное знание, знание о божествах. XII в. до н. э. – это предполагаемое время начала сложения текстов Вед. В течение не менее чем лет семисот, а может быть, и более, они оставались незаписанными, передавались изустно, то есть запоминались жрецами. Такая ситуация хорошо нам известна и по другим традициям: точно так же долгое время, не меньше чем четыреста лет, существовали и тексты Гомера. Сохранялись Веды, однако, с необычайной тщательностью, и есть все основания думать, что больших искажений в тексте за эти семьсот лет не произошло. Таким образом, это тексты, довольно точно передающие язык второго тысячелетия до нашей эры. Из одного этого факта понятно, что перед нами исключительно ценный древнейший лингвистический источник.

Не следует думать, что все языки изменяются с равномерной скоростью. Скорость развития разных языков очень варьирует. Современная наука не знает еще всех факторов, которые определяют эту скорость. Но один фактор известен довольно хорошо: жизнь в изоляции способствует сохранению старого языка, жизнь в тесном контакте с соседними языками способствует его более быстрому изменению. Есть, конечно, и какие-то другие

факторы. Так или иначе, среди современных индоевропейских языков, то есть, как уже было сказано, почти всех языков Европы, Индии и Ирана, можно различить такие, которые претерпели более глубокие изменения по сравнению с древним состоянием, и такие, которые изменились меньше.

Пример языка, прошедшего, вероятно, одну из самых больших дистанций удаления от индоевропейского, – это английский. И таковы же некоторые языки современной Индии, скажем, язык хинди. Примерно такой же показатель удаления даст французский язык – лишь немножко меньший, чем английский. Другие языки обнаруживают гораздо большее сходство с древним состоянием и меньшую степень изменения за протекшие тысячелетия. О современных языках в этом смысле можно говорить как о сохранивших больше архаизмов или меньше архаизмов. Языков, которые целиком сохранили свое архаичное состояние, не существует – все языки в какой-то степени меняются. Но мера этого различна.

Среди индоевропейских языков, которые как раз меньше удалились от древности, окажется наш русский язык. И это одна из причин, почему так часто возникает желание сказать: «Ну помилуйте, конечно, русский язык ближе всего к санскриту! В санскрите масса совпадений с русским. Начнете сравнивать санскрит с английским – очень мало чего найдется, а с русским – много». Причина ровно в том, что русский как раз относится к числу языков с медленным развитием. Правда, не самым медленным. Из близких нам языков еще гораздо медленнее литовский. Из ныне существующих литовский язык более всего сейчас похож на санскрит. Так что если уж какой-то язык и претендовал бы на то, что он чуть ли не одно и то же с санскритом, то это должен бы быть литовский.

Но так или иначе, нам тоже многие чудеса санскрита не кажутся чудесами, поскольку они прекрасно представлены в современном русском языке. Поэтому когда я вам буду рассказывать о сложностях санскритской грамматики, в ряде случаев вам будет казаться: «Ну, что за сложности? У нас всё то

же самое». Верно. Не во всем, конечно, но в значительной части случаев русский язык сохраняет почти такую же степень сложности, в частности, морфологии, как и санскрит. Меньшую, но очень большую. А если сравнить с английским, то это будет небо и земля.

Теперь бегло повторю обзор событий за эти тысячи лет существования санскрита. Древнейшие тексты – это Веды. Это четыре больших корпуса текстов религиозного характера, посвященных разным божествам и разным частям индуистского ритуала. Главная из них, самая известная и знаменитая Веда именуется Ригведа. *Риг* – это обозначение стихов, из которых состоят гимны. Плюс еще три других Веды – я не буду затруднять вас их названиями. Это древнейший период, за которым следует то, что называют эпическим санскритом. Эпическим, потому что на нем написан гигантский эпос. Он состоит из двух главных великих сочинений древней Индии – Махабхараты и Рамаяны.

Махабхарата – буквально *маха* «великий» и *Бхарата* – имя собственное, которое сейчас служит самоназванием Индии. Это мы называем ее Индией, а официальное индийское ее название – Бхарат. Индия – это вообще слово не индийское и ни в каком из индийских языков первоначально не существовавшее. Это иранское произнесение названия области, которая на санскрите звучит как *Синдху*, поскольку в иранском языке начальное *с* дает *х*, а в дальнейшем это *х* могло теряться. Греки слышали это название уже в иранском исполнении, и поэтому для них это было нечто вроде *инд*. И Александр Македонский, когда отправлялся в эту страну, считал, что он идет в страну Индию. Он дошел до области Синдху (это нынешний Пакистан) и даже отчасти завоевал ее, но, тем не менее, именно название *Индия* осталось во всех европейских языках.

Махабхарата – это *великое о потомках* некоего мифического пра-родителя, который именовался *Бхарата*. Обычно это, к сожалению, переводят не просто как *великое*, а *великая битва потомков Бхараты*, так как это

рассказ о том, как эти самые потомки, разделившись на две великие армии, в каждой из которых было по три миллиона солдат, сражались так доблестно и так успешно, что в конечном счете на поле битвы осталось пять живых воинов. Указывается точное место, недалеко от Дели, где происходила эта битва. Оно называется Курукшетра, его показывают туристам. Таково содержание эпоса. Не стоит к этому подходить с современными моральными мерками. Что такое *Илиада*? Это тоже эпос о кровопролитной битве между греками и троянцами. Так что, увы, великие сочинения тех времен имели, как правило, именно такое содержание. Точно таков же и древнегерманский эпос, и так далее.

Итак, язык Махабхараты и Рамаяны, великих эпических комплексов, называется эпическим санскритом.

Следующий этап развития языка называется классическим санскритом. Это язык, на котором написана вся остальная санскритская литература, в частности, художественная литература, но уже не эпического свойства – драмы, стихи в огромном количестве, трактаты, научные сочинения. Такая литературная деятельность продолжалась в Индии все последующие века и до какой-то степени происходит и поныне.

Вот картина жизни этого языка и того, какую громадную роль он играл и продолжает играть в жизни этого так называемого субконтинента. Как вы представляете себе, это весьма значительная часть Земли, поскольку ныне уже население этой части земного шара превысило миллиард человек, показав конкурентоспособность с Китаем.

Теперь немного познакомлю вас с более конкретными вещами.

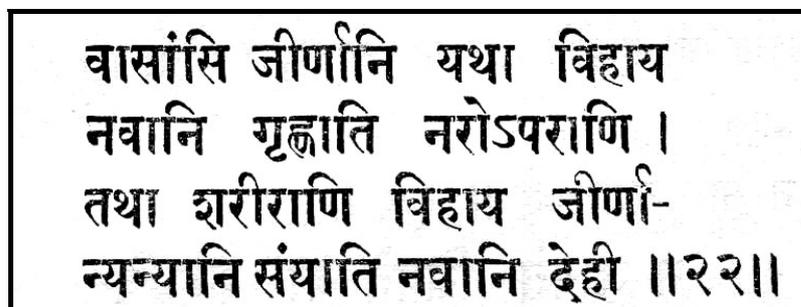
Как записаны тексты на санскрите? Записаны они, естественно, собственным письмом. Это древнейшее индийское письмо. В разных частях Индии существовали разные системы письма, но самая известная из них, по крайней мере, в Европе, впрочем, сейчас уже и в Индии, носит название *деванагари*. Это сложное слово: первая часть *дева* означает «бог», вторая

часть *нагар* означает «город», плюс *-и* – суффикс относительного прилагательного. То есть «(нечто) божественное городское». Самого слова, означающего «письмо», здесь нет. Таков буквальный смысл этого слова. Наряду с этим существуют и другие системы. Ряд современных языков Индии – прежде всего хинди – пользуются деванагари, другие языки – другими формами письма. Так что сейчас деванагари используется далеко не всеми языками Индии, но, конечно, это первая по значимости система. В Европе все, кто соприкасается с санскритом, знакомы с деванагари.

Как устроено это письмо? По типу оно находится на грани между слоговым и буквенным.

Сейчас я пушу по рядам пару книжек, где вы увидите, как внешне выглядят тексты на санскрите. Одна из них – это очень ценная книга, ей около двухсот лет; так что будьте, пожалуйста, аккуратны. Другая, маленькая книжка – на двух языках, вы можете даже попробовать определить, на каких.

И сейчас можно уже показать на экране пример текста:

वासांसि जीर्णानि यथा विहाय
नवानि गृह्णाति नरोऽपराणि ।
तथा शरीराणि विहाय जीर्णा-
न्यन्यानि संयाति नवानि देही ॥२२॥

Вы видите здесь в хорошем исполнении, с хорошим шрифтом, небольшой текст, записанный в деванагари.

Характерная особенность, которую вы сразу замечаете, – черта сверху, соединяющая все буквы в некоторое единство. Но все-таки здесь есть разделение на слова, а в самых древних текстах вообще никакого разделения не было. Маленькие зазоры, которые вы кое-где здесь видите – это эффект печати. Реально в древнем рукописном письме все это было бы соединено в одну линию.

Один из персонажей, который находился, видимо, под большим чисто зрительным влиянием санскритских текстов, это великий фальсификатор, сочинитель так называемой «Велесовой книги». Он скопировал в своем письме эту верхнюю черту. Ему очень хотелось выдать свой текст за некие «славянские веды», и он механически повторил, украл эту черту из санскритского письма.

Что реально вы здесь видите? Каждый знак хорошо отделяется от соседних. В основном каждый знак геометрически достаточно ясен.

Что означает отдельный знак? В чистом виде он всегда означает не одну фонему, а слог.

Первое, что вы здесь видите, это знак *ва*: व। Я буду, естественно, писать в транскрипции. Этот знак сам по себе уже передает не одну звуковую единицу, а две. Можете поискать, где-нибудь он может вам встретиться и дальше. Например, вот этот же знак, но при нем имеется еще некоторая дополнительная фигура: वि। Это уже не *ва*, а *ви*.

Если же я захочу написать не *ва* с *а* кратким, а *ва* с *а* долгим, то мне нужно поставить еще одну вертикальную черту. Вот она в точности здесь есть: वः। Я вам еще не говорил, что в санскрите бывает *а* краткое и *а* долгое. Соответственно, в транскрипции дается знак долготы; или можно просто удвоить букву для гласной. Таким образом, первый слог здесь – это *ваа*.

Если вам захочется написать *ву*, то нужно будет добавить к знаку *ва* некоторый другой значок. Это будет *ву*. И, наконец, если все-таки вам потребуется когда-нибудь написать чистое *в*, то для этого нужно поставить специальный значок того, что нет гласной.

Это система, которая, вообще говоря, могла бы быть очень похожа на нашу буквенную систему, потому что можно было бы сказать: «Вот *в*, вот *и*. Вот *в*, вот *а* долгое. Вот *в*, вот *у*». Если бы не то, что получается, когда нужно

записать согласную без гласной. Разница в том, как записать, например, чистое *в*: в нашей системе для этого требуется один знак, а в деванагари – два. И наоборот, для записи сочетания *ва* в нашей системе требуется два знака, а в деванагари – один. Вот, собственно говоря, и всё принципиальное отличие системы типа деванагари от нашей (я говорю типа деванагари, потому что все остальные индийские системы построены по тому же принципу – зрительно они выглядят иначе, но принцип такой же).

Итак, знак сам по себе означает согласную со звуком *а*. Если нужно звук *а* убрать, требуется специальный значок, что это *а* убирается. А если нужны другие гласные, то они обозначаются разного рода дополнительными фигурами.

Таковы принципы письма. Тем самым понятно, что выучить надо не так много знаков. Надо выучить знаки для всех согласных, это несколько десятков, примерно сорок, то есть не очень много. И примерно для десятка гласных. Опыт показывает, что студентам, которые с нуля начинают занятия санскритом, это можно поручить сделать с первого занятия на второе, ну на третье. До третьего занятия считается, что можно еще не помнить все знаки, а дальше уже их знают. Это нетрудно. Это не китайский язык.

Что же касается фонетики, то тут в санскрите никаких особенных чудес нет, язык ломать не надо. Никаких фантастических звуков, которые могли бы нас сильно поразить. Есть, пожалуй, для нас не вполне нормальный звук *р* слоговое. Правда, для славян в целом, не русских, а других, он не представляет собой ничего удивительного: такой же звук есть в чешском, в сербском, в словенском – здесь вполне может быть, скажем, *грд* или *крк*, где *р* выступает в качестве слогообразующего звука. Правда, европейцы все же, как правило, спотыкаются на этом месте и пытаются это *р* на что-то заменить, например, на *ри*. Впрочем, то же делает и большинство современных индийцев. И этим объясняется, между прочим, что знаменитый древнеиндийский бог *Кришна* во всех этих языках, включая русский, зовется *Кришна*. И по этой

же причине санскритское слово *санскрta* выглядит в этих языках как *санскрит*.

Кажется, есть вопрос по ходу.

– А мягкость звуков обозначается отдельными символами или как?

– Очень понятный, абсолютно законный вопрос. Ответ очень простой. Мягкость звуков – это особенность русского языка, она существует далеко не во всех языках. Она есть в некоторых славянских, но, конечно не только в них. В санскрите противопоставления твердых и мягких звуков нет, поэтому и проблемы такой нет.

Почти всё в фонетике санскрита легко укладывается в наши обычные традиционные привычки. Единственное, что для русского человека составляет неразрешимую задачу – это различить долгие и краткие гласные. Но если бы это был латыш или чех, то он отлично смог бы это различить – у него есть собственные долгие и краткие гласные, и он точно так же их не путает, как мы *ры* и *ри*, *ни* и *ны*, *би* и *бы* и т.п. Он их совершенно естественно различает, в отличие от большинства европейцев, для которых это мучение, которое им кажется совершенно лишним.

Таким образом, в целом чисто фонетически чтение санскритских текстов большого труда не составляет. В Индии, конечно, немного иная система чтения. Собственно, так всегда бывает, когда читается не живой иностранный язык, – привносятся какие-то элементы произношения из собственного языка. То же самое, конечно, происходит и в русской традиции чтения санскрита; но это вещь нестрашная.

Некоторая фонетическая специфика санскрита, которую в других языках мы нечасто встретим, – это звуки, которые в транскрипции записываются через две буквы: придыхательные согласные, например, *бх*, *дх*, *гх*. В отличие от простого *б*, это *бх* с легким придыханием. Замечу, что просто *х*, которое тоже существует, это в санскрите звонкая согласная типа украинского или

белорусского *z*. По описаниям древних индийцев, *бх* это *б* плюс отдельное *х*. Но реально это единая фонема.

А вот морфология санскрита знаменита. Она служит одновременно предметом гордости и пугалом, потому что это, по-видимому, одна из самых сложных морфологий, которые только вообще лингвисты знают.

Однако русских большая часть этих сложностей не испугала бы. Например, англичанину или французу со страшным выражением лица говорят, что в этом языке восемь падежей, три числа и три рода! Довольно очевидно, что на носителей хороших западноевропейских языков это уже производит удручающее впечатление – на тех из них, кто не занимался русским языком. А у нас не восемь падежей, а шесть, но совершенно ясно, что это система того же типа. У нас не три числа, а два, это верно, у нас нет двойственного числа. Двойственное число, действительно, есть в большинстве древних европейских языков, а некоторые из современных славянских языков сохраняют его до сих пор – это лужицкие языки и словенский. Так что для славянских языков это, в общем, не диво. Но для русского всё же диво, тут ничего не скажешь, русским надо объяснять, потому что это неизвестная им отдельная форма. Потому что «много» у нас теперь начинается после единицы, а в старом языке оно начиналось после двойки. В этом смысле санскрит просто объединяется с древними языками Европы.

Но вот глагольная система может испугать и носителя русского языка. Глагольная система в санскрите, действительно, несравнимо более сложна, чем в русском языке. Правда, если из современных славянских языков взять не русский, а, например, болгарский, то картина уже будет не такая неравная. В болгарском языке гораздо более сложная система прошедших времен, чем в русском. Современный русский в этом смысле многое упростил и многие сложности потерял по сравнению с древнерусским.

В санскрите существует не менее четырех разных прошедших времен и целая серия так называемых производных спряжений, т.е. достаточно регу-

лярно образуемых от глагола других глаголов с дополнительным значением. Самые известные классы – следующие.

Практически от всякого глагола в санскрите свободно образуется *каузатив*, то есть глагол со значением «заставить делать то, что выражает основной глагол». Как в парах: *пить* – *поить*, *есть* – *кормить*, *тонуть* – *топить* и т.п. Заметьте, что в русском языке от этой старой системы немало осталось. В частности, в древнерусском языке каузатив тоже был довольно активным. Сейчас при достаточном внимании к языку можно наблюдать остатки каузатива у нескольких десятков глаголов. Пару *пить* – *поить* я не случайно привел. Еще частично сохраняется старая система, в которой каузатив должен иметь огласовку *о* (а простой глагол может иметь разные огласовки). *Топить* – тоже старый каузатив; правда, там и *тонуть* тоже имеет *о*, тем самым это уже не типичный случай. В ряде случаев в современном языке техника образования каузатива скрыта тем, что что-то произошло с фонетикой. Возьмем глагол *погрязнуть*. Сейчас можно погрязнуть только в преступлениях, в грехах, вообще в чем-нибудь дурном. Первоначально можно было погрязнуть в болоте. Может быть, и сейчас можно, но довольно очевидно, что и первоначально можно было погрязнуть в болоте, потому что отсюда происходит слово *грязь*, которое, конечно, означало трясину, болото, что видно из корня. Как вы думаете, какой будет каузатив от *погрязнуть*?

– *Погрузить*.

– *Погрузить*, совершенно верно. Но огласовка тут будет совершенно другая, потому что первоначально это было *погрэнзнуть* и *погронзить*, где в каузативе было то же самое *о*, что и в других каузативах. Но поскольку *ен* дало *я* в современной фонетике, а *он* дало *у*, то сейчас это уже скрыто в виде такого хитрого чередования *погрязнуть* – *погрузить*.

В такие глаголы вы сами можете поиграть и найти таким образом глаголов до 30-40. То есть эта система не совсем пропала даже и в современном русском. А в санскрите она совершенно актуальна – практически всякий

глагол легко образует по стандартным правилам каузатив. Это очень существенный элемент любого санскритского текста.

Аналогичным образом может образовываться другая производная форма – так называемый *интенсив*, когда речь идет о том же самом действии, но сильном. Этого по-русски вы воспроизвести не сможете, в русском и в других языках для этого надо использовать какие-то описания или дополнительные слова или еще каким-то способом передавать эту идею. А в санскрите это делается чисто грамматически. Скажем, интенсив от глагола «бить» будет означать «бить много, сильно, колотить, избивать». Глагол «смотреть» в интенсиве будет означать «выслеживать», то есть производить некое интенсивное действие смотрения.

Еще в этом ряду стоит так называемый *дезидератив*, то есть образование, означающее «хотеть сделать то, что сказано основным глаголом». Остатки этого есть в латыни, но очень немного, например, *esurio* «хочу есть». В русском языке таких остатков я указать не могу.

И все это умножается на огромное число времен, на два залога, систематически противопоставленных, так что в результате, если начать подсчитывать, сколько форм можно произвести от одного глагола, то результат будет астрономический. Я даже затрудняюсь вам его указать, потому что граница очень расплывчата – где кончается один глагол, и где начинаются уже производные слова.

Таким образом, морфология санскрита представляет собой почти предел того, как может быть усложнено построение слова и как много морфем в это слово может входить.

На самом деле среди языков мира найдутся примеры и более сложных морфологий, но это уже языки очень дальних от нас ареалов, которые нам мало знакомы, так что я не буду сейчас на них останавливаться.

Вот то, с чем приходится сталкиваться тем, кто начинает заниматься санскритом. Это гораздо труднее, чем фонетика, но тоже, вообще говоря,

вполне в человеческих силах. За студенческое время вполне можно с этим ознакомиться.

Но есть в санскрите и более серьезные трудности. Дело в том, что санскрит – язык, поддерживаемый искусственно. Язык необычайно изоцированной литературы в огромном количестве ее ветвей и школ, каждая из которых необычайно гордилась своими изобретениями в области словоупотребления. Поэтому если вы раскроете санскритские словари, то в некоторых местах ужаснетесь, потому что увидите слово, у которого сто двадцать семь значений. Как же тогда им пользоваться? Сто двадцать семь – это мое преувеличение, но, скажем, два-три десятка значений довольно часто будет включаться в переводы. Какое-нибудь слово *корова* будет иметь совершенно невероятный ряд значений; кончится тем, что она будет означать «лучи» или «счастье» – я в данном случае фантазирую, но этого достаточно, чтобы дать общее представление. Вот это действительно настоящая трудность, с которой не справишься за такой срок, как с фонетикой или даже с морфологией. С другой стороны, потребность выражаться изысканно ведет к тому, что в хорошем классическом санскрите корову никто коровой не назовет. А назовут ее обязательно какой-нибудь «пестроходящей», «молочноглазой» и т.д. Змея никогда не будет названа змеей, хотя для этого есть прекрасное простое слово, родственное русскому. Но это слово простецкое, низкое, в хорошей литературе оно употребляться не должно, это был бы низкий плебейский стиль. И оно будет заменяться четвертым, восьмым, двенадцатым способом обозначения змеи. Знаменитый арабский ученый XI в., великий филолог Аль Бируни, который познакомился с санскритом, писал, что санскрит – «это язык, богатый словами и окончаниями, который обозначает разными именами один и тот же предмет и одним именем разные предметы». Так что эта особенность ясно наблюдалась уже в XI в. Вот это действительно трудно.

В этом смысле читать самые древние тексты санскрита приятнее, потому что они еще не заражены стилистической идеей, что надо выражаться

как можно более изысканно и как можно более непросто. Скажем, тексты Вед в каком-то смысле проще; и тексты эпосов еще достаточно просты.

Итак, самое общее представление об элементах структуры санскрита я вам дал. Теперь о том, что обычно поражает воображение русского человека – количество слов в санскрите, которые похожи на русские слова. Их много – действительно, можно набрать несколько десятков. Если брать очень тесное сходство, то их будет меньше, если более широкое, то найдутся еще десятки слов. И человека неподготовленного это почти неизбежно ведет к убеждению, что «конечно, это же почти один и тот же язык, о чем разговаривать!». А дальше возникают всякие идеи о том, что санскрит произошел из русского или русский из санскрита и прочее. Не нужно долго искать: само название «Велесовой книги» – «Славянские веды» говорит именно о желании выдать свое сочинение за непосредственно санскритский текст. Действительно, *мать* на санскрите – *матар*, *брат* – *бхратар*, *сноха* – *снуша*, *свекровь* – *шващру*, *нос* – *нас*, *бровь* – *бхрува* и так далее. Но сами понимаете – я вас об этом предупредил, – что такие же списки можно составить также и для пары «санскрит и какой-нибудь другой язык». Для английского это будет труднее, но для литовского – очень легко.

Литовский отличается от русского, в частности, тем, что он очень архаичен вот в каком важном фонетическом отношении. Все индоевропейские языки без исключения подверглись на протяжении последних трех тысяч лет сокращению длины слов. В особенности страдает конец слова. Конец слова, как правило, сжимается, стирается, отпадает. Предел в этом процессе являет собой французский язык, где последовательно отпадали сперва все окончания, потом конечные согласные, потом конечные гласные и так далее. Так что в результате очень часто французское слово – это две фонемы. Это такой предел, когда, например, *fait* – это то, что первоначально было *factum*, *sou* – то, что первоначально было *solidum*. Русский язык не так далеко в этом продвинулся, но, конечно, всё же немало слогов потерял.

Например, *дом* произошло из *домус*, *мгла* – это прежняя *мигла*. Не так много, но какое-то количество слогов потеряно. Прежде всего, самая простая вещь – потеряно окончание главного типа склонения слов мужского рода в единственном числе в именительном падеже – то, что в латыни *-us*, как в *tribunus*; то, что в санскрите *-as*, как в *navas*.

Так вот, литовский занял бы первое место среди живых языков по сохранности древнего числа слогов. Он сохранил окончание именительного падежа *-as*. *Ростов* будет по-литовски *Ростовас*. Почему? Потому что это *-as* так же необходимо в современном литовском, как и три тысячи лет назад в санскрите. В отличие, скажем, от языков Индии, которые, как я вам уже говорил, могут соревноваться в этом вопросе с английским. Там весь конец слова отпал, слова почти такие же короткие, как в Европе. Так что процесс затронул Индостан в такой же степени, как и европейскую окраину. Санскрит в этом отношении, естественно, сохраняет более древнюю стадию. А литовский фактически даже более консервативен, чем санскрит: потомки санскрита полностью потеряли эти древние особенности санскрита, а литовский и сейчас такой.

Полезно указать вам некоторые простые звуковые соотношения между языками. Санскрит объединил старые гласные *э*, *о* и *а*. Это, кстати, одна из точек, о которых я косвенно упоминал. Там, где в латыни или в греческом одни слова содержат корневое *э*, другие корневое *а*, третьи – корневое *о*, в санскрите во всех трех случаях будет *а*. И в течение первой половины XIX в. огромные силы лингвистов были положены на разгадку того, каким образом одно и то же *а* древнего языка распалось на три разных звука в европейских языках. Пока не было сделано великое открытие, что ничего не распадалось. Это и был шаг, показавший, что санскрит – это не праязык, потому что в нем, оказывается, гласные сохраняют не древнее состояние, а являются продуктом специфического санскритского развития. Оно состояло в том, что *э*, *о* и *а* совпали в виде одного *а*. Так что то, что по-русски *новый*, в санскрите *navas*.

То, что по-русски *везёт*, – в санскрите *вахати*. Поэтому не удивляйтесь, что разнообразие русских гласных звуков *э, о, а* – в санскрите разнообразия не даст. Во всех трех случаях будет *а*.

Это из простых вещей. Остальные не так бросаются в глаза. Скажем, *бх, дх, гх*, если они встречаются в санскрите, в русском дадут просто *б, д, г*. Скажем, санскритское *дхуумас* – это русское *дым*.

А теперь я, пожалуй, смогу попробовать познакомить вас с одним текстом на санскрите. Это текст, вообще говоря, из эпоса, из Махабхараты. Но он вставной – это религиозно-философское сочинение, вставленное в эпос, и оно еще более знаменито, чем сам эпос Махабхарата. Называется оно *Бхагавадгита*. Возможно, многим знакомо это слово, потому что сейчас широко гуляют опошленные сведения о тайнах древней Индии, так что про Бхагавадгиту вы можете встретить рассуждения в каких-то текстах, гораздо менее достойных уважения. Что поделать, в нынешние времена этого рода обесцененное знакомство с древними ценностями происходит довольно часто. Бхагавадгита – это религиозный трактат, вложенный в уста Кришны, священный текст кришнаитов. Но, помимо всего прочего, это замечательное сочинение, главная идея которого *метемпсихоз* – переселение душ. Это важнейшая идея индуизма, состоящая в том, что душа не исчезает, а вселяется в новое тело.

Я выбрал вам один красивый кусочек из Бхагавадгиты, и мы попробуем его почитать. Это текст, который уже был вам показан:

वासंसि जीर्णानि यथा विहाय

नवानि गृह्णाति नरोऽपराणि ।

तथा शरीराणि विहाय जीर्णा-

न्यन्यानि संयाति नवानि देही ॥२२॥

Пока, конечно, вы очень мало знакомы с деванагари, поэтому мне придется вам помогать.

Давайте я сейчас с вашей помощью начну переписывать то, что там написано.

В начале, как вы уже знаете, стоит *ваа*. Следующая согласная – *с*, при ней, как вы видите, снова гласная *аа*. А вот точка сверху – это появление дополнительного носового звука – согласной типа *н*: *саан*.

Идем дальше. Какая будет следующая согласная?

– *С*.

– Ну конечно! А гласная какая?

– *И* – *си*.

– *Си*, правильно. Итак, первое слово получилось: *ваасаанси*.

Следующая согласная – это *дж*. В латинской транскрипции записывается по английской традиции в виде *j*. Огласовка у нее – *и* долгое: *джи*.

За этим следует *р*, знак которого – небольшой крючок – хитрым образом стоит над строкой, причем правее того места, куда относится сам этот звук.

В строке за *джи* идет *н* особого вида, так называемое церебральное, которое звучит практически так же, как английское *н*, только в английском это просто *н*, и никто не замечает, что оно церебральное, а для индийца это другая фонема. Какая огласовка будет?

– *А*?

– *А*, конечно, *а* долгое. Вместе с предшествующим *джи* и знаком для *р* это дает *джирнаа*.

Дальше идет простое *н*. Какая огласовка будет у него?

– *И*.

– *И*, правильно. Получается *джирнаани*. Вместе с первым словом: *ваасаанси джирнаани*.

Следующая согласная будет *й*. Какая у нее огласовка?

– А.

– А, правильно. Дальше согласная *тх*. Какая огласовка?

– А.

– А долгое, это существенно: *йатхаа*. Совершенно верно.

Дальше, пожалуйста, первый слог следующего слова. Громче!

– *Ви*?

– *Ви*, конечно. Дальше идет согласная *х*. Какая огласовка при нем?

– А.

– Не просто *а* – *а* долгое. Дальше что будет?

– *Й*.

– *Й*, правильно. Огласовка какая? Правильно, *а*. Быстро пошло дело.

Переходим ко второй строке:

नवानि गृह्णाति नरोऽपराणि

Прочтите первый слог строки. Нет – два слога сразу! Нет – всё следующее слово сразу, пожалуйста!

– *Наваани*.

– *Наваани*! Правильно! Тогда уж я вас спрошу, что здесь значит корень? Форму не спрашиваю.

– «Новый»?

– «Новый», правильно. Быстро пошло, да?

Пойдемте дальше. *Г* вы еще не знаете. Это *г*, а эта закорючка снизу – это *р*-огласовка, *р* слоговое: *гр*. Дальше идет пока что для вас трудное, это я сам вам напишу – это сочетание *хн*. А огласовка какая у этого *хн*?

– А.

– А долгое. Да. Дальше согласная *т*. Огласовка?

– *И*.

– *И*, верно. Итак, *грхнаати*.

Дальше. Какой слог?

– *На?*

– *На*, правильно. Дальше то, с чем вы пока еще не встречались, – это согласная *р*. И огласовка *о*. В целом *наро*.

Следующий знак соответствует нашему апострофу, то есть здесь пропущена гласная. Далее *н*. Какая у него огласовка?

– *А*.

– *Па*. Следующий слог?

– *Са? Та?*

– Нет, *т* выглядит иначе.

– *Ра*.

– *Раа*, верно. И конец, последний слог?

– *Ну*.

– *Ну!* Больше у меня нет доски, но этого достаточно пока: *наваани грхнаати наро 'параани...* Это замечательные стихи, древний размер.

Теперь я вам поясню слова.

Корень *вас* значит «одеваться», это тот же корень, что в латинском слове *vestis* «одежда». Слово «одежда» имеет вид *ваасас*, здесь от него форма винительного падежа множественного числа. Из морфологии вы бы узнали, что здесь окончание *-и* и некоторые изменения в форме основы. Итак, это «одежды».

Джишнаани – прилагательное, которое согласовано с этим словом «одежды». Тоже винительный падеж множественного числа среднего рода. На самом деле *-ни* – это санскритское добавление, в Ведах было бы просто *джишнаа* и тогда это было бы то же самое *-а*, что в русском *дела, государства* и т.п. во множественном числе. То есть в точности то же окончание множественного числа среднего рода. Сам корень есть в русском языке: *дж* в *джишр* правильным образом соответствует русскому *з*. Это корень слова *зрелый*. В санскрите суффикс *-н-*, а в русском *-л-*: *зрелый*. Так что это почти то же самое слово, что *зрелый*, с точностью до суффикса, а значение –

«зрелый, созревший, состарившийся, старый». В данном случае просто «старый». То есть смысл – «одежды старые».

Йатхаа – это местоименное слово «как»; *-тхаа* – суффикс, выражающий образ действия. Мы его еще встретим.

Йа в *вихаайа* – это окончание деепричастия. Корень *хаа* – глагол, который означает «покидать». При нем приставка *ви-*, означающая нечто близкое к русскому *раз-*: «в сторону, в разные стороны». *Вихаайа* в целом – «покидая, оставляя».

Переведите теперь начало второй строки без всяких подсказок.

– «Новые!»

– Что «новые»?

– «Одежды».

– Потому что согласовано с этим, правильно.

Грхнаати. Это глагол, *-ти* – окончание, соответствующее русскому *т* в третьем лице. Кстати, заметьте, *-ти* должно было бы дать по-русски *-ть* мягкое; и оно в говорах так и дает: *он идеть, он несеть*. Это и есть древний русский язык. Современный русский язык имеет твердое *-т*: *идёт, несёт, знает*. Это влияние церковнославянского языка. В действительности исконное русское – мягкое *т*, в точности соответствующее санскриту.

Наа – это суффикс глагола, а *грх* (или *грах*) – корень, который сохранился и в европейских языках – это английское *grab* и русское *грабить*. Но и английское *grab* «хватать», и русское *грабить* имеют уже более специальные значения. А первоначальное значение очень простое: «берёт». Замечу, что санскритское *грах* имеет и более полную форму *грабх*, еще более близкую к русскому и английскому. Итак, *грхнаати* – «берёт».

Далее. Апостроф заменяет утраченное *а*, которое при контакте слов в определенной ситуации выпадает. Значит, здесь два слова – *наро* и *апараани*. Понятно, что *апараани* – слово из того же ряда, что прилагательные *джишр-наани, наваани*.

Апара в данном случае значит просто «другой». Что тогда значит *апараани*?

– «Другие».

– Да. Осталось только узнать, кто берет, верно? Очевидно, *наро*.

Про окончание этого слова мы говорить не будем, а *нар-* – это «человек» – очень древнее, исконное индоевропейское слово, хорошо представленное в греческом, где оно выглядит как *анер* (родительный падеж *андрос*, отсюда, например, имя *Андрей*). *Наро* – всего лишь одно из многочисленных санскритских слов со значением «человек».

Итак, вот что сказано в первой половине нашего текста:

«Как старые одежды покидая, другие, новые берет человек...»

Переходим к третьей строке:

तथा शरीराणि विहाय जीर्णा-

– «Так же...»

– Нет, не «так же», а «так». Где в тексте слово «так»?

– Первое в третьей строке.

– Да, первое слово. И как оно звучит? Пожалуйста: как будет «так» в санскрите?

(в зале замешательство)

Поищите, поищите, это разрешимая задача.

– *Татхаа*?

– *Татхаа*, совершенно верно. Правильно. *Татхаа* – «так». *Йатхаа* – «как», *татхаа* – «так». Абсолютно точно.

И.Б. Иткин: *Як – так.*

А.А. Зализняк: Да, если бы мы были в украинской аудитории, то было бы гораздо проще. Потому что там *й* сохранилось. В русском-то надо говорить *как – так*, а по-украински *як – так*. Совершенно верно, спасибо. Так

что, конечно, это санскритское *й* – совершенно не случайно, оно и в славянском есть, только русский язык его оставил украинскому, а сам потерял.

Читаем дальше. Итак первое слово – *татхаа*. Идем дальше.

Дальше звук, который вы пока еще не встречали. Какая огласовка?

– *А* долгое.

– *А*. Тут, к сожалению, маленькая хитрость. Вы абсолютно правы, потому что вы видите вертикальную черту. Но дело в том, что в данном случае эта черта принадлежит самой букве, а именно букве *щ*, просто здесь левая и правая части знака не смыкаются. Это маленькая тонкость, которая пока что нам не встречалась. На самом деле это не буква с долгим *а*, а единая буква *щ*.

Дальше. Какая согласная?

– *Р*.

– *Р*, с огласовкой *и*: *щари*. Дальше?

– *Ра* долгое.

– *Ра* долгое. Дальше?

– *Ни*.

– *Ни*, правильно. Очень хорошо, именно так: *щарираани*. И как вы думаете, что это за грамматическая форма?

– Винительный падеж множественного числа.

– Правильно! Совершенно точно. Среднего рода. Но только прилагательное или существительное, это в санскрите может не различаться. Заранее вы не можете быть в этом точно уверены. Но грамматическая форма правильная. Следующее слово прочтите целиком и переведите.

– *Нихаайа*.

– Перевод?

– «Покидая!»

– Правильно! Замечательно. Очень хорошо.

Идем дальше. Следующее слово, не всё, но почти всё прошу вас прочесть. В третьей строке оно не целиком – его конец уходит в четвертую строку. Но по крайней мере про начало его я могу у вас спросить – про первые два слога.

– А...

– Да вы смотрите то, что вы уже читали!

– *Джиирнаа*?

– Правильно. *А* долгое или краткое?

– Долгое.

– *Джиирнаа*, правильно. В этом месте текста перенос.

Переходим к последней строке:

न्यन्यानि संयाति नवानि देही ॥२२॥

Здесь некоторый новый прием: два раза выступают знаки, которые состоят из двух частей. Сперва маленький знак – такой крючочек спереди, потом знак для *йа*. Это способ соединения между собой двух согласных, с которым вы еще не познакомились.

Ведь если каждую согласную написать целиком, то они будут читаться с *а*. Как сделать, чтобы читать согласные подряд? Допустим, *тва*, *ста*, *нда*. Чтобы не читать *тава*, *сата*, *нада*. Для того чтобы не читать *тава*, знаки *т* и *в* сливаются в так называемую *лигатуру*.

Как решается эта проблема, мы видим здесь на примере сочетания *нйа*. *На* пишется न्. *Йа* пишется य. Если их просто написать друг за другом: नय, – то будет *найа*. А нам нужно *нйа*. В этом случае в санскрите используется такой способ: न्य. Видите, как это делается? Это некоторое неудобство системы, потому что некоторые знаки чисто графически не любят соединяться друг с другом, возникают трудные графические комбинации. Это то, почему наша с вами система лучше, чем деванагари: у нас такой проблемы

нет. Нам, когда нужно написать *нй*, мы пишем *н* и *й*. А им, поскольку у них простые знаки выражают *на* и *йа*, нужен какой-то особый прием. Его мы и видим.

Сочетание *нйа* – это простой случай. Но бывают и сложные случаи. Теперь я могу, вернувшись к предшествующему тексту, сказать: вы уже видели, как записано сочетание *хна*: *на* вставлено внутрь *ха*. Но принцип тот же самый: нужно характерные части знаков слепить вместе. К сожалению, они не всегда слепляются одинаковым способом. В случае *нйа* они просто идут по горизонтали. А в случае *хна* вы видите, что пришлось сделать. Настолько, что я даже не стал вам тогда объяснять данный принцип, поскольку это непростой случай.

Теперь я уже могу у вас спросить, что идет дальше, после *джширнаа*.

– *Нйанйа*.

– *Нйанйа*! Два раза *нйа*, верно! Дальше?

– А долгое.

– Дальше?

- *Ну! Ну!*

– А всё вместе – *нйанйаани*. Правильно. Это действительно из почти одних и тех же букв составлено. Тем не менее это всё совершенно осмысленно. Дальше? Какая согласная?

– *Р? – С? – Т?*

– Это у вас было!

– *Са?*

– *Са*. А что дальше поставим после *са*?

– *Н* с точкой. *Сан?*

– *Сан*, правильно. Вместе с последующим: *санйаати*.

Следующее слово прошу, во-первых, целиком прочесть, во-вторых, перевести.

– *Нава... Наваани* – «новые».

– «Новые», правильно!

Движемся далее. Слог *де* (дэ) – ни согласная *д*, ни огласовка *э* нам пока еще не встречались.

А что за знак следующий?

– *Х*?

– *Х*, да. И долгое *и*: *хи*. Вместе: *дехи*.

Всё. Теперь осталось понять. Частично уже вы понимаете, поскольку обе части текста построены симметрично. Поэтому многое из первой части проливает свет на вторую.

Татхаа в третьей строке – это «так». Дальше неизвестное вам слово *щарира*. Вы должны полезть в словарь и найти ответ. *Щарира* – это «тело». В данном случае, как вы видите, перед вами не прилагательное, а существительное, оно тоже среднего рода, и форма у него будет та же самая. Какая здесь грамматическая форма? Пожалуйста, переведите.

– «Тела»?

– «Тела», верно. *Вихаайа*?

– «Кидая, покидая».

– Какие тела?

– «Старые».

– Правильно. Разделение на слова действительно должно быть именно такое. *Нй* в начале 4-й строки – это то, что случилось с *ни*, когда это *ни* оказалось перед гласной. Это некоторое специальное правило, которому учатся на первых шагах изучения санскрита. *Джишнаани* – это то, во что превращается *джишнаани* перед следующей гласной. Совершенно автоматически. И тогда *джишнаани* – это что?

– «Старые».

– Да, «старые». Вы уже чувствуете мораль немножко? Это типичная индийская мораль.

Далее *аньяани*. Какое слово вы станете искать в словаре?

Не понимаете вопроса? Допустим, вы не знаете слова. Оно выглядит в тексте как *анйаани*. Вы должны пользоваться словарем. Естественный первый вопрос: что именно вы ищете в словаре?

– *Анйа*.

– *Анйа*, конечно. И на *анйа* получаете ответ: «иной, другой».

– Значит, «иные».

– «Иные», совершенно верно.

Далее *санйаати*. Как вы думаете, какая это часть речи?

– Глагол.

– Конечно, совершенно верно. В какой форме?

– Третье лицо единственного числа.

– Да, всё правильно. Совершенно точно. Сам глагол представлен корнем *йаа*, а *сан* – это приставка, которая прекрасно сохраняется в других языках, в частности, в русском. Это то же, что русская приставка *с-* или *со-*, обозначающая совместность. В данном случае, правда, прямое значение приставки нам мало помогает, просто в словаре мы найдем значение непосредственно для *санйаа*, то есть для всего сочетания *сан* + *йаа*. *Йаа* – это тот же корень, который представлен в русском глаголе *ехать*. Но только в русском языке согласная *х* – добавленная. Что *х* добавлено со временем, видно из формы настоящего времени. Как будет *ехать* в настоящем времени?

– *Едет, едут*.

– Здесь уже нет *х*, здесь другая согласная: *д*. Из чего видно, что в глаголе *ехать* исконным является только *е*, а согласные варьируют, они добавлены. В отличие от других языков, в санскрите этот корень без всяких согласных. В чистом виде – *йаа*. А почему *йаа*, а не *йе*?

– Потому что *е* перешло в *а*.

– Верно. Этот санскритский фокус вы уже знаете.

Другое дело, что здесь значение «ехать» нам не нужно, поскольку в соединении с приставкой этот глагол получает уже более сложное значение

(тем более, что в санскрите это необязательно «ехать», может быть и просто «идти»): «идти совместно с чем-то», «присоединиться к чему-то», «присоединять к себе что-то». В данном случае «соединиться с чем-то», «входить во что-то». Можно перевести «присоединяет, соединяется», можно перевести и как «входит».

И, наконец, *дехии* – это существительное, важное философское понятие всей этой системы идей. Очень условный его перевод на европейские понятия, весьма приблизительный, – «душа». В действительности здесь некоторая более сложная идея, но мы о ней сейчас говорить не будем, так что можем перевести как «душа». И что же тогда всё это значит?

– «Как люди меняют одежду, так меняют тела».

– Правильно. Итак, в целом:

*«Как старые одежды покидая, другие, новые берет человек,
так старые тела покидая, в другие, новые входит душа».*

Ну вот, я вам выбрал такой манифест индуистской философии, в его кратчайшем виде, которым является 22-я строфа из второй главы Бхагавад-гиты. И я поздравляю вас с тем, что вы ее в подлиннике разобрали! Всё.

– А вы могли бы прочитать ее?

– Боюсь, что не смогу ее воспроизвести так, как вам хочется, потому что однажды я слышал ее в исполнении того самого индийца, для которого санскрит – родной язык. Он, конечно, ее не декламировал, а пел, и это было так непередаваемо, что я боюсь утрировать. Но звучало примерно так:

*Васáанси джиирна́ани я́тхаа вихáайа,
навáани грхна́ати наро́ 'па́рaани,
татха́а щари́рaани вихáайа джи́ирнаа-
ни́анйáани санйáати навáани дехии.*

Аплодисменты.

А.А. Зализняк: Вопросы, пожалуйста.

– Андрей Анатольевич, в самом начале лекции вы назвали санскрит интересным языком. У меня такой вопрос: какие языки вы называете интересными и по этой субъективной шкале какие следующие языки? Есть ли там китайский?

А.А. Зализняк: Понимаю Ваш вопрос. Конечно, интересны с точки зрения лингвиста. Это совершенно не то же самое, что с точки зрения литературоведа или историка, там могут быть совершенно другие приоритеты. А с точки зрения лингвиста интересно устройство языка, интересна некоторая экстремальность в каких-то его сторонах, которая в других языках не наблюдается. Скажем, санскрит имеет некоторую экстремальность в морфологии. И кое в чем еще. Плюс, разумеется, ореол древности и прочего добавляется. Но это субъективно. У меня на следующем месте был бы арабский, потому что это действительно поражающий воображение язык, без которого трудно составить по-настоящему полную картину того, что такое языки. Он устроен для индоевропейского мышления чрезвычайно просветительно. Всего не буду перечислять. Какие-то языки есть, в которых меньше чудес. Если возникает хобби погулять по языкам, то очень быстро человек начинает жадно рассматривать грамматики самых разных языков и находить в них любопытные вещи. Грузинский, например, кажется чрезвычайно интересным.

– Скажите, грузинская письменность не имеет ли чего-то общего с санскритом?

– С деванагари? Нет, общего нет. Грузинский алфавит создан на основе арамейского и отчасти греческого.

– А что значат эти знаки без верхнего подчеркивания? [о двух знаках в конце всего текста].

– Вот эти, да? Очень хороший вопрос! Предлагаю всем желающим их разгадать.

– Это цифры?

– Какие?

– Двадцать два...

– Двадцать два, совершенно правильно! И, кстати, это ответ на вопрос, что такое наши так называемые арабские цифры. Вовсе у нас цифры не арабские, это, конечно, арабы заимствовали. Если вы возьмете настоящие арабские цифры, они не очень похожи на наши – немножко похожи, но не очень. Например, ноль по-арабски – это точка. А ноль по-индийски это кружок. Именно индийцы сделали величайший бросок одновременно в письменности и в математике: они изобрели знак для нуля. Вы понимаете, что это был шаг неизмеримо более трудный, чем для любой другой цифры.

Вы видите степень сходства, это двадцать два, да. Не все десять цифр так сильно похожи, но примерно половина до сих пор сохраняет сходство с современными. Наши цифры ровно отсюда. Один, два, три, девять, ноль – очень похожи.

– Народ, люди – это одно слово с *наро*?

– Нет, это не имеет отношения к санскритскому *наро*. Потому что *наро* распадается на корень *нар* и *о* – окончание. Начнете склонять, и никакого *о* не останется. А *народ* распадается на *на* плюс *род*, так что в слове *наро* корень *нар*, а в слове *народ* – корень *род*. Общего ничего.

– А *грабли* и *грабить*?

– *Грабли* и *грабить* – слова однокоренные, конечно. Первоначально от слова *гребу*. Кстати, *гребу* до сих пор имеет, среди прочих, значение «загребая». Я думаю, что и в некоторых санскритских текстах можно перевести *грах* через *гребу*.

– А есть ли в санскрите знаки препинания?

– Вот, вы видите в нашем тексте знаки препинания. Вот один знак препинания слабый, вот другой – более сильный. Один примерно соответствовал бы точке с запятой, а другой – точке. В прозаическом тексте они тоже могут иногда употребляться, но развитой системы там не наблюдается.

– А какой там порядок слов в предложении?

– Порядок слов в предложении – то, что называется «свободный». То есть ответ должен быть такой же, как и про русский язык. Он состоит в том, что на первом уровне ответ: никаких ограничений, ставьте, как хотите. Так, по крайней мере, на первом уроке объясняют иностранцам, когда они изучают русский язык. А вот когда дело доходит до настоящей, уже глубокой лингвистической науки, до глубокого анализа, то выясняется, что проблема порядка слов в русском языке много труднее, чем в английском. Потому что в английском два-три правила, и порядок слов определен. А в русском на самом деле действуют необычайно тонкие правила порядка слов. Далеко не все они до сих пор исследованы. И свобода эта весьма относительна. Для санскрита в этом смысле совершенно тот же ответ, что для русского. То есть внешне как бы порядок слов совершенно свободный. Но в действительности, в отличие, скажем, от английского языка, где работают самые простые параметры – подлежащее, сказуемое, определяемое, определение, – здесь работают смысловые параметры – что сказано более важное, что следующее по важности и так далее. И их довольно много.

Это типичная картина. Где сложнее вопрос выражения определенности-неопределенности? Вы скажете: какой ужас эти французский и английский, там артикли надо знать! И с артиклями мы все время ошибаемся. Уже даже и остальное вроде все хорошо, а артикли нам поправляют. Вот ведь какой ужасный язык, везде трудности с определенностью-неопределенностью. Ничего подобного. Самое трудное с определенностью-неопределенностью – в русском языке, где она выражается несравненно более тонкими способами, чем с помощью артиклей. Артикли – это такой топорный грубый способ – поставил и можешь больше ни о чем не думать. А в русском языке определенность-неопределенность выражается несколькими разными способами, изучение которых до сих пор еще не доведено до конца. Это такой парадокс того, где просто, а где непросто. Что же касается порядка слов как в

русском, так и в санскрите, то, вообще говоря, должно быть два ответа (и то же самое в латыни). Один – для разговорной речи и для прозы, другой – для стихов. И даже для прозы и для разговорной речи тоже надо различать, но это уже меньшие различия. А для стихов – вы видели, как расставлены слова. Ясно, что в стихах – что в санскрите, что в латыни – порядок слов может быть подчинен еще и чисто стихотворным потребностям: длине слова, ритму, ударению. Так что для стихов не стоит даже и примеряться.

– А как-то может менять смысл перестановка слов?

– А в русском может менять?

– Может.

– Так же и здесь.

– Скажите, не считаете ли вы, что язык влияет на общие черты народа, и есть ли у лингвистов какие-то стереотипы?

– Конечно. Это проблема, которой очень много сейчас занимаются в мире, – менталитет, отраженный в языке. Каждый язык в окаменевшем виде отражает многовековые привычки на что-то обращать внимание, на что-то не обращать. Что-то классифицировать одним способом, что-то другим. На какие-то явления ставить больше плюсов, чем другие народы, на какие-то меньше. И это тонкие вещи, но сейчас есть хорошие работы, в которых это исследуется.

Замечу в связи с этим, что нынешняя реклама и прочие газетные тексты грешат чудовищной нечувствительностью к употреблению переводных слов. Они берут английские слова и переводят их по словарю, варварски нарушая наше представление о том, что эти слова должны значить. Например, слово *friend* переводится, конечно, словом *друг*, тогда как имеется огромная разница в понимании этих слов (английского *friend* и русского *друг*) – разница менталитетов. Хотя одно считается эквивалентом другого. А уж самый гигантский перекосяк – когда английское *happiness* переводят как *счастье*, *I'm happy* переводят как *я счастлив*. *I'm happy* значит, что *я сейчас себя ком-*

фортно чувствую, больше ничего. Помилуйте, для русского человека сказать *я счастлив* – это очень-очень много. А англичанин говорит *I'm happy*, когда ему понравилась температура чая!

– Скажите, а ударение в санскрите есть?

– Это тонкий вопрос! Первоначально, безусловно, в санскрите, а точнее говоря, в древнеиндийском языке в широком смысле, было ударение, унаследованное из индоевропейского. Оно было разноместное, свободное, с тонкими правилами распределения. Его прекрасно знали те, кто составлял Веды, и те, кто их записывал, поэтому Веды записаны со знаками ударения. Для Вед мы знаем ударение. Это очень последовательная и древняя система, которая, однако, со временем исчезает. Это видно из того, что в новоиндийских языках этих ударений не осталось. В послеведийских санскритских текстах ударений нет, эпос записан без ударений. Поэтому с каким ударением произносить эти тексты – это, вообще говоря, вопрос условный. Чаще всего практически применяются правила, близкие к латинским (по которым ударение зависит от того, краток или долг второй слог от конца). Для слов, которые засвидетельствованы в Ведах, – а их все-таки меньшинство – известно старое ударение и можно его воспроизводить. Но поскольку этого не хватает для полного текста, то приходится пользоваться распределением по условным правилам.

– У меня целых два вопроса. Первый – я все-таки не очень поняла, почему санскрит остался только в литературе, а так на нем не особо говорят?

– Это чисто вопрос времени. На нем говорили, скажем, в XII веке до нашей эры, в X, VIII, V веках до нашей эры – достаточно долго. За это время он не мог оставаться одинаковым, он изменялся. И язык улицы превращался в то, что сейчас мы называем среднеиндийскими языками. Скажем, сочетание согласных *kt* превращалось в *tt*, *p* слоговое превращалось в простое *u*. И многое другое. В разных местах Индии возник целый ряд среднеиндийских

языков. Один из них, язык пали, даже стал литературным. Но большинство осталось без литературы.

Маленькое отступление по этому поводу: откуда мы вообще про эти языки знаем? Тут есть совершенно замечательное обстоятельство. Редко, где такое встречается. Дело в том, что в древнеиндийской драме, в частности, в сочинениях Калидасы, персонажи говорят в действительности не на одном языке, а на двух. А именно, все уважаемые персонажи говорят на санскрите, а женщины и слуги говорят на среднеиндийских языках. Поэтому некоторый массив текстов на среднеиндийских языках из этого источника получен. И можно составить представление о том, насколько они уже удалились от санскрита. Если восемь веков пройдет, то в языке много чего случается. И даже и за меньшее время. После чего санскриту пора было бы просто умереть, но ввиду того, что он успел захватить позиции литературного бастиона, он их и не сдавал. Как латынь. Латынь точно так же должна была исчезнуть, когда языки стали другими. Но она не исчезла ввиду того, что существовала литературная традиция. Так же и с санскритом.

– Англичане, колонизировавшие Индию, приняли ли что-нибудь в свой язык из санскрита?

– Есть ли в английском заимствования из индийского? Есть, есть! *Пуни*, например, заимствован. *Пуни* – это санскритское *панча*, означающее *пять*. Первоначально просто смешивался коктейль из пяти составных частей и назывался *панча*. По-английски он так и будет *punch*. А *пуни* – это уже вариант, который, попал к нам, по-видимому, через немецкий или французский. Есть несколько таких слов, которые не только попали в английский, но и перешли в другие языки, в том числе в русский. А тех, что только в английском – еще больше.

– Вы сказали, что в Индии существовало и существует множество разных языков. Они все считаются государственными или есть какой-то один, на котором говорят все?

– Нет, не все считаются государственными. Действительно, языков очень много, и, если бы все считались государственными, жизнь была бы совершенно невозможной. В Индии государственных языков два: хинди и английский. Английский их объединяет; увы, именно на нем они могут разговаривать друг с другом. Потому что в противном случае общение между разными языками Индии было бы невозможным. Язык хинди мог бы сыграть эту роль, но не в полной мере. Я точно не знаю реального положения вещей, но думаю, что какая-то часть населения Индии хинди не знает.

С.И. Переверзева: Я знаю, что на юге его знают очень плохо.

А.А. Зализняк: Да-да, конечно. Дело в том, что я говорил об индоевропейских языках, и может возникнуть ошибочное представление, что все эти многочисленные языки Индии – индоевропейские. Это не так. Индоевропейские – это языки северной Индии и немножко еще в качестве колонии – бывшего Цейлона, ныне Шри-Ланки. А юг Индии – это зона дравидских языков, которые к индоевропейским не имеют отношения. Точнее говоря, в качестве очень дальнего родства – имеют, но в круг индоевропейских языков они не входят. Для них тем более хинди знать не очень естественно.

– А есть сходство у латыни и у санскрита?

– Есть, безусловно. Латынь тоже обладает свойством древности, и структура латыни – того же типа, что у русского языка и у санскрита. И конечно, какое-то количество древних слов сохраняется, которые сейчас ушли. Между латынью и санскритом можно найти никак не меньше точных сходжений, чем между санскритом и русским.

– А чем для Вас интересен арабский язык?

– Арабский язык совершенно замечателен! Во-первых, сама структура арабского слова не имеет ничего общего с индоевропейской. Такая фантастическая вещь, когда корнем является вовсе не то, что мы привыкли считать, то есть какая-то устойчивая внутренняя часть слова. В арабском это

рассеянные по слову согласные, между которыми со своими функциями внедряются гласные.

– А индийцы знают санскрит?

– Те, для кого это родной язык – их немного. Еще какое-то количество людей изучают санскрит просто потому, что они получают высшее гуманитарное образование, и тогда они, конечно, с ним знакомы. Но в целом, обычному человеку, конечно, совершенно не приходится с ним сталкиваться.

– Вы сказали, что от глагола существует много разных производных. Например, *пить* – *поить*. Или *пить* – *хотеть пить*. А как сказать *хотеть поить*?

– Правильно, это можно сделать. То есть соединить идею дезидератива с идеей каузатива. Морфологически это немножко трудно, но некоторое количество таких образований есть. Существует правило, как образовать каузатив. Существует правило, как образовать дезидератив. Эти правила в принципе совместимы. Можно сперва построить каузатив, а потом к нему применить правило построения дезидератива. Можно и наоборот. Поэтому одно будет называться дезидератив от каузатива, а другое – каузатив от дезидератива. И они будут по-разному выглядеть.

– А значения будут одинаковы?

– Нет, это будут разные значения. Например, дезидератив от каузатива будет значить «хотеть напоить», а каузатив от дезидератива – «вызывать жажду (т.е. заставлять хотеть пить)». Кроме того, в таких случаях значения могут сильно индивидуализироваться в зависимости от того, что значит основной глагол.

Устали, видимо?

Е. И. Лебедева: Есть еще вопросы? Если нет больше вопросов, то давайте поблагодарим Андрея Анатольевича.

Аплодисменты.